

Рождение Политики Общественного Порядка

Темиров Бунёдбек Джаббор углы¹

Аннотация: За последние двадцать лет тюремная система, пограничный контроль, программы предотвращения преступности, меры по борьбе с терроризмом и частные охранные компании расширились в Европе. В этой статье обсуждаются некоторые последствия. Можно утверждать, что мы являемся свидетелями смены парадигмы в том, как применяется санкционированная государством сила. Различие между тем, что является преступным и с чем должна разбираться система правосудия, и тем, что создает «восприятие безопасности» — с чем раньше должна была разбираться социальная политика — размывается как на макро («война с терроризмом»), так и на микроуровне. - ('общественный порядок') уровни.

Верховенство закона уступает место менталитету безопасности, когда сила применяется на основе оценки риска. Социальные проблемы переосмысливаются как угрозы безопасности и решаются мерами, воссоздающими первоначальные угрозы. Это придает политическому полю особую рациональность.

Ключевые слова: Пограничный контроль, Гражданские права, Предупреждение преступности, Тюремная система, Частная охрана, Политика общественного порядка, Беженец, Риск, Война с терроризмом.

Таким образом, я утверждаю, что безопасность, а не закон, становится основным принципом, из которого исходит применение физической силы и других мер, связанных с принуждением. Закон находится в процессе замены другими механизмами управления. Сила реализуется по новой модели. Вмешательства также предпринимаются против нежелательного поведения, которое не является преступлением и преследует иную цель, чем обеспечение того, чтобы люди действовали в соответствии с законом. Менталитет безопасности нарушил закон. Или правильнее сказать: закон подорван с двух сторон: сверху и снизу.

Может показаться абсурдным, что одна и та же область политики должна охватывать все: от прогулов и продажи наркотиков до террористических актов. Но это абсурдно только потому, что многие из нас еще не научились исходить из концепции безопасности, оторвавшейся от логики закона.

Смотрим ли мы тогда на конец политики в отношении преступности в том виде, в котором мы ее знаем? Границы между многими областями, которые долгое время были довольно четкими, теперь распались. В эпоху всеобщего государства всеобщего благосостояния девиации малообеспеченных групп рассматривались как вопрос социальной политики, пока это не было связано с преступностью. За поведение, отклоняющееся от социальных норм, ответственность несет психиатрический сектор или социальные службы. Преступное поведение рассматривалось в рамках криминальной политики и, таким образом, с использованием

¹ Кашкадарьинская область, Косонский районный отдел внутренних дел, инспектор-профилактиктор службы общественной безопасности лейтенант Bunyodbektemrov0@gmail.com

различных методов и институтов, в то время как все, что было связано с военными действиями, было вопросом политики безопасности и решалось оборонным сектором. Сегодня социальная политика, политика в области преступности и безопасности имеют тенденцию сливаться друг с другом. Результатом является новая область политики, которая объединяется единой логикой и движима уникальной динамикой. Пока что этой области еще не дали названия, но на данный момент мы можем называть ее политикой общественного порядка. Подробное описание зарождения политики общественного порядка будет представлено ниже, но соответствующие концепции следует сначала немного отточить. Центральным элементом истории этого явления является прорыв менталитета безопасности. Но чем этот менталитет отличается от менталитета закона? Что происходит, когда безопасность формирует основу для применения силы в обществе? На самом фундаментальном уровне фокус смещается на то, что человек мог бы сделать, а не на то, что он сделал. Центральный вопрос, который следует задать в контексте возможного вмешательства, заключается не в том, «совершил ли этот человек преступление?» а скорее «представляет ли этот человек риск?» Между ними есть важное различие. Как только безопасность становится основой для применения силы, это происходит на основе вероятностей, прогнозов, профилей и оценок рисков, а не на основе реальных событий и действий. Это следствие того, как построена сама концепция безопасности. Во-первых, безопасность предполагает отсутствие чего-либо негативного, а не наличие чего-то позитивного. Кроме того, концепция относится к будущему состоянию: возможные меры основаны на оценке вероятности возникновения негативных событий. Оценки важны и в другом отношении – от чего нас нужно защищать? Это не просто угроза или проблема. Утверждение о том, что что-то представляет собой угрозу безопасности, означает, что это серьезно, настолько серьезно, что само существование объекта, которому угрожает опасность, оказывается под угрозой. Наконец, это мотивирует применение радикальных мер, включая применение силы (Freedman 1992:730ff.; Buzan et al 1998:21ff.).

Появление менталитета безопасности предполагает три важных изменения по сравнению с управлением на основе верховенства закона в традиционном смысле. Вместе они составляют определение менталитета безопасности. Во-первых, центральным фактором является не то, в совершении каких действий человек может быть виновен, а скорее, к какой группе он может принадлежать – является ли он наркоманом? Она активистка? Беженец? Мусульманин? Араб? Система правосудия имеет дело, скорее, с целыми группами населения, хотя в конечном итоге применяемые меры затрагивают отдельных лиц. Далее, интерес представляет не само поведение, а скорее то, о чем оно может быть воспринято как признак – означает ли это, что человек представляет собой риск? Вмешательство – отказ во въезде, депортация, использование прослушивающих устройств или подслушивающих устройств или содержание под стражей – может быть одинаково мотивировано тем, что человек является частью определенной группы, соответствует профилю наблюдения, вращается в определенных кругах или придерживается определенных мнений, как на основании наблюдаемого преступного поведения. Наконец, вмешательству против отдельного лица или группы лиц не обязательно должно предшествовать какое-либо судебное разбирательство. Вместо этого достаточно решения, принятого на уровне отдельного государственного служащего. Вмешательство представляет собой административную меру, основанную на общей оценке риска, при этом вопрос о виновности является лишь одним из многих факторов, которые учитываются при принятии решения.

В двух широко обсуждавшихся статьях, опубликованных в начале 1990-х годов, Малкольм Фили и Джонатан Саймон отмечали, что система санкций в США функционирует во

все большей степени в соответствии с логикой безопасности. Они писали, что тюремная система проникается новым взглядом на функцию уголовных санкций.

Желание реабилитировать правонарушителей и снизить уровень преступности уступало место постоянному анализу рисков. Мотив был исключительно в том, чтобы сделать девиантное поведение управляемым, а не в том, чтобы уменьшить распространенность такого поведения или изменить ответственных за него людей (Feeley & Simon 1992; Feeley & Simon 1994). С этого момента аргументы Филя и Аймона подробно обсуждались, в то время как тенденция продолжала следовать намеченной ими схеме.

Где мы находимся сегодня в Европе? Говорить о крахе верховенства закона было бы явно преувеличением. Верховенство закона не было отменено просто потому, что применение силы все чаще следует логике менталитета безопасности. Невозможно обобщить все, что происходит в этой области, в одной модели; виды деятельности, которые функционируют совершенно по-разному, могут сосуществовать и действительно сосуществуют (Johnston & Shearing 2003:94ff.; Garland 2001:167). Это означает, что некоторые меры по-прежнему следуют логике верховенства закона, в то время как другие следуют логике безопасности, а третьи ставят необходимость ухода в центр внимания. Ни верховенство закона, ни государство всеобщего благосостояния не должны быть устранены. Но нынешняя тенденция такова, что менталитет безопасности постепенно берет верх. Изменения, происходящие в этой области, указывают именно на это направление. Новые меры и институты, как правило, функционируют в соответствии с логикой менталитета безопасности, а не принципами верховенства закона.

Колонизация поля: предполагаемые угрозы, институциональные рамки и расширение спектра ответных мер

Это новое политическое поле окружено темными угрозами и из конца в конец пересекается оценками рисков. Существенно расширился круг ситуаций, в которых может быть применена сила. Вмешательства против беженцев, грабителей, охотящихся на пенсионеров, и государств-изгоев переплетаются с паникерскими сообщениями и новыми координационными группами. Область политики общественного порядка колонизируется. Это происходит на скорости; любому, кто захочет документировать все происходящее, будет трудно идти в ногу с развитием событий. Давайте посмотрим, как эти предполагаемые угрозы, институты и меры реагирования следуют логике менталитета безопасности.

Переплетение рисков безопасности

Беженцы, терроризм, антиправительственные демонстрации, организованная преступность, бедность, наркотики и исламский фундаментализм на самом деле не имеют большого отношения друг к другу. Было бы трудно определить, что у них общего, если бы не конкретная политическая реакция.

Чиновники и политики подчеркнули определенное сходство. Все эти явления рассматривались как угрозы безопасности. Кроме того, их считали связанными друг с другом, что привело к возникновению довольно сложной воспринимаемой угрозы. В контексте как доминирующего социального дискурса, так и практики органов государственного сектора все эти явления переплетаются. Нет конца возможным связям между североафриканскими беженцами, Аль-Каидой, возвращением города, героином, русской мафией и пригородами с большим количеством иммигрантов, и это то, что в течение значительного времени занимало

как средства массовой информации, так и киноиндустрию. . В последнее время эти явления по-новому связались друг с другом и в то же время прочно увязались с неперенным условием проблемы безопасности, а именно с терроризмом.

Тема терроризма окрашивает интерпретацию всех видов неравенства и потенциальных проблемных мест в обществе, во многом так же, как активистов профсоюзов подозревали в том, что они были советскими агентами во время холодной войны (Hardt & Negri 2003:32f.). Сегодня разрозненные сети террористов берут на себя роль врага общества номер один. Тогда в связи с терроризмом можно заподозрить что угодно, не в последнюю очередь уличные демонстрации, которые сопровождают встречи на высшем уровне правящей элиты. Это объясняет, почему стало так трудно обсуждать, например, беженцев и их потребность в защите. Законы и права человека не имеют большого значения, когда их необходимо постоянно сопоставлять с рисками, создаваемыми терроризмом и организованной преступностью.

Было бы легко подчеркнуть роль, которую играют средства массовой информации в сочетании с длинным списком фильмов о русской мафии, или проиллюстрировать, как это используется политиками-популистами. Однако основная связь заключается в том, что беженцами, демонстрантами, терроризмом и наркотиками занимаются одни и те же агентства – или предприятия – агентства, которые ставят безопасность на первое место. Все рассматриваемые группы, их положение и поведение подпадают под действие охранных фирм, а также разведывательных, таможенных, полицейских и тюремных служб.

Исторически это можно проиллюстрировать ссылкой на TREVİ, дискуссионный форум для министров внутренних дел и органов юстиции, а также высокопоставленных чиновников из этих же ведомств в тогдашнем Европейском сообществе. Начальники полиции и офицеры разведки участвовали в практических рабочих группах. TREVİ была основана в середине 1970-х годов и стала образцом для развития сотрудничества европейской полиции в последующие десятилетия. Начнем с того, что сотрудничество было более или менее сосредоточено исключительно на терроризме. В начале 1980-х годов организованная преступность и политический протест были включены в качестве важных тем, а в конце десятилетия к ним присоединились наркотики и беженцы (Busch 1995:306ff.).

В то же время этими явлениями занимаются и другие ведомства – такие как социальные службы, например, иммиграционная служба и биржи труда – и обсуждаются с иных точек зрения, чем безопасность. Об этом не следует забывать. Проблема беженцев также рассматривается как гуманитарный вопрос, демонстрации также рассматриваются как политический вызов, наркотики также рассматриваются как социальная проблема, а безработица также рассматривается как экономическая проблема. Однако произошло то, что произошел сдвиг в фокусе усилий по реагированию. Вопросы безопасности отведена более заметная роль. Поскольку ими занимаются судебные органы, устанавливается связь этих явлений с преступностью. Но действительно ли речь идет о преступлениях? С точки зрения существующего законодательства, поиск убежища на Западе не является санкционированным действием. Быть беженцем или безработным, участвовать в политических протестах или принадлежать к мусульманской общине не является уголовным преступлением – в отличие от террористических актов, организованной преступности и торговли наркотиками. С другой стороны, миграционные движения, политические протесты, определенные религиозные группы и бедность последовательно рассматриваются как угрозы безопасности – точно так же, как террористические акты, организованная преступность и торговля наркотиками. Эти явления

обсуждаются с точки зрения рисков и угроз – они рассматриваются как питательная среда для преступности и как угрозы общественной или национальной безопасности. Короче говоря, они представляют собой угрозу безопасности. Связь с преступностью вторична; Центральным фактором является статус этих явлений как угроз безопасности, что, кроме того, вероятно, единственное, что у них общего.

Широкий спектр ответов

Разнообразие воспринимаемых угроз отражается в широком спектре ответных мер. От проверки документов на улице, пограничного контроля, компьютерной регистрации и временного заключения до длительных тюремных сроков, депортации и военных операций. Что характеризует диапазон мер, применяемых в этом контексте? Заимствуя у Фуко, можно различать продуктивное и репрессивное применение власти.

Репрессии низводят тех, над кем осуществляется власть, до объектов реализуемых мер: цель состоит в том, чтобы добиться пассивности посредством замалчивания, исключения или подавления целевой группы. Напротив, продуктивное осуществление власти предполагает включение целевой группы в качестве активных субъектов поддержания порядка; он работает, приспособляя этих субъектов к моделям поведения, которые консолидируют как коллективное подчинение, так и индивидуальные амбиции.

Власть также создает желания, привычки и нормы (Hörnqvist 1996:113ff.). Однако очевидно, что меры, применяемые в этой конкретной области политики, лежат ближе к репрессивному концу спектра. Они стремятся свести людей к объектам, а не вовлекать их в качестве субъектов. Элемент прямого физического принуждения либо открыт, либо плохо скрыт, и нет более глубокой цели, кроме нейтрализации угрозы или превращения ее в управляемую.

Список литературы:

1. Agamben G (2004), “Undantagstillståndet” [The State of Emergency], in: Fronesis No 14-15.
2. Baillergeau E & Schaut C (2001), “Social Work and the Security Issue in the Netherlands and Belgium”, in: European Journal on Criminal Policy and Research, vol. 9.
3. Bayley D & Shearing C (2001), The New Structure of Policing, Washington D.C.: National Institute of Justice.
4. Bigo D (2001), “Internal and external security(ies): The Möbius ribbon”, in Mathias A, Jacobsson D & Yosef L (Eds.), Identities, Borders, and Orders, Minneapolis: University of Minnesota Press.
5. Bigo D (2002), “Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease”, Alternatives, No 27/2002.
6. Brottsförebyggande rådet (2002), Lugna gatan. En granskning av tunnelbane- och juniorverksamheterna [Lugna gatan. A study of the subway and the youth activities], BRÅ-rapport 2002:3.
7. Buchanan A & Leese M (2001), “Detention of people with dangerous severe personality disorders: a systematic review”, The Lancet, December 8, 2001.
8. Busch H (1995), Grenzenlose Polizei? [Police without Restrictions?], Münster: Westfälisches Dampfboot.
9. Busch H (2003) “Meldungen aus Europa“ [Reports from Europe], Bürgerrechte und Polizei [Civil Rights and Police], No 3/2003.

12. Busch N (2001), Ein Raum der Freiheit, der Sicherheit und des Rechts?[An Area of Freedom, Security and Justice?], Brüssel: PDS.
13. Buzan B, Wæver O & de Wilde J (1998), Security: a New Framework for Analysis, Boulder: Lynne Rienner.
14. Caffentzis G (2001) "Crime or War?: The Consequences of Competing Descriptions of September 11", <http://www.commoner.org.uk/02-2groundzero.htm> (2003-01-04).

